

Акад. В. И. Пичета

СЛАВЯНО-ВИЗАНТИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В VI—VII вв. В ОСВЕЩЕНИИ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ (1917—1947 гг.)

Славяно-византийские отношения в VI—VII вв. были одной из тех важнейших научных проблем, которые не раз были объектом научного исследования русских византистов и историков славянских народов. Исследователи стремились дать ответ на два вопроса: 1) к какому времени следует отнести начало миграции славян на Балканский полуостров и 2) каковы были последствия ее для Восточно-Римской (Византийской) империи.

До начала 70-х годов прошлого столетия в византийско-славянской историографии не было разногласий по вопросу о времени начала славянской миграции. Византисты и слависты, опираясь на показания византийских писателей VI в., относили ее к этому времени. Действительно, в VI в. Византийская империя переживала величайший внешнеполитический кризис.

В 1872 г. известный болгарский историк и общественно-политический деятель Марин Дринов опубликовал свой замечательный труд «Заселение Балканского полуострова славянами» (Москва), в котором заподозрил эту позднюю дату миграции славян. М. Дриновым было отмечено, что проникновение славян в пределы Византийской империи относится к более раннему времени—к II—III вв., но что только в VI в. начинается массовое продвижение славян на Балканский полуостров и длительные вооруженные столкновения с Византийской империей.

Впрочем, эта точка зрения болгарского исследователя не противоречила общепринятому в историографии положению о сравнительно поздней миграции славян на Балканский полуостров, так как вторжение отдельных славянских отрядов на Балканский полуостров не представляло собой ничего угрожающего для Византийской империи.

Ф. И. Успенский также не отрицал, что «вместе с готами в гуннами, находившимися в ближайшем соседстве с Византией в IV—V вв., могли переходить с севера на восток р. Дуная небольшие славянские дружины»¹. Во всяком случае между исследователями (А. Погодиц, Л. Нидерле, Ф. И. Успенский) нет разногласий по вопросу о времени массовой миграции славян на Балканский полуостров. Этих разногласий не могло быть

¹ Ф. И. Успенский, История Византийской империи, т. I, стр. 369.

и потому, что исследователи строго держались позитивных данных известных нам источников.

В 1931 г. против этого общепринятого в науке мнения—позднего датирования проникновения славян на Балканский полуостров—высказался академик Н. С. Державин¹. По мнению исследователя, вся территория от берегов Эгейского и Адриатического морей «вплоть до Карпат и Среднего Днепра представляет собой известное единство в хозяйственном и культурном отношениях». Вся эта территория уже плотно была заселена славянами, а в VI в. начались только военные столкновения с Византийской империей. Впрочем эта точка зрения осталась одинокой в советской и европейской историографии. А. В. Мишулин, Б. Т. Горянов, М. В. Левченко, академик Б. Д. Греков, отправляясь от данных византийских источников, продолжали считать, что массовая миграция славян на Балканский полуостров началась только в VI в., как об этом свидетельствуют источники. По этому вопросу появилось немало количественных работ, где развивалась эта точка зрения. Однако достаточно веские соображения советских исследователей не побудили акад. Н. С. Державина изменить свою точку зрения. В своей новой обобщающей работе он остался верен прежней точке зрения². Не отрицая миграции славян на Балканский полуостров в VI—VII вв., академик Державин вместе с тем категорически утверждает, что «нынешнее население Балканского полуострова, в том числе как и насельники всего Днепро-Дунайского бассейна... не пришлый откуда-то с севера, с востока или запада на род, а местное, исконное население на занимаемой им ныне территории»³. Однако эта гипотетическая точка зрения была встречена советскими исследователями отрицательно⁴. Проф. М. В. Левченко должен был отметить, что «всякий историк в своих построениях должен опираться прежде всего на источники, а этих источников, которые подтверждали тезисы автора,—нет».

Таким образом, советские исследователи, опирающиеся на показания источников, не нашли возможным присоединиться к гипотезе академика Державина.

Вторжение славян на Балканский полуостров в пределы Византийской империи—это только одна сторона сложного вопроса о славяно-византийских отношениях. Другая сторона этого вопроса заключается в том, какова была позитивная роль славян в исторических судьбах Византийской империи. Уже Н. М. Карамзин кратко, но достаточно выразительно заметил: «Римская империя узнала, что есть славяне, ибо они пришли и разбили ее легионы». Это, разумеется, неоспоримый исторический факт, хотя «историограф» не сделал из этого правильного положения никаких выводов.

Известные византинисты В. Г. Васильевский и Ф. И. Успенский также затронули вопрос о значении славянских вторжений для исторических судеб Византийской империи. Оба исследователя отметили, что: 1) славяне принесли с собой общину, которая внесла глубокие изменения в положение сельского населения, и 2) благодаря потоку славянской миграции Византийская империя ослабилась. Однако оба исследователя ограничились только этими наблюдениями, не попытавшись рассмотреть полностью всю проблему о влиянии славянской миграции на общественно-экономические отношения Византийской империи. Таким образом, последняя проблема осталась вне поля зрения византинистов и славистов.

¹ «Славяне и Византия в VI в.» («Язык и литература», т. VI, Л., 1931).

² «История Болгарии», т. I, гл. I и II, М.—Л., 1945.

³ Там же, стр. 86.

⁴ В. И. Пичета («Советская книга», 1946, № 1, стр. 81—86); М. В. Левченко («Вопросы истории», 1946, № 11—12, стр. 147—152).

Между тем ее никак нельзя было обойти или замолчать. Известна роль «германских варваров» в разрушении Западно-Римской империи и в уничтожении в последней рабовладельческого строя. Известно, что германцы принесли с собой общину и на развалинах старых общественно-экономических отношений заложили фундамент более прогрессивного общественно-экономического строя, а именно феодального. Исследователь не может не заметить, что «славянские варвары» со своим общинным строем сыграли ту же позитивную роль в судьбах Восточно-Римской империи, что «германские варвары» в отношении Западно-Римской империи. Они содействовали ее «омоложению», а этим на тысячу лет продлили ее существование.

Всестороннее изучение этой сложной проблемы в ее новой, марксистской постановке—научная заслуга советских историков

Проф. А. В. Мишулину принадлежит право приоритета в постановке и разработке вопроса о том, какое именно значение имела для Восточной Римской империи колонизация славянами Балканского полуострова и каковы были результаты столкновения славян с Византийской империей.

В своих исследованиях¹ А. В. Мишулин пришел к выводу, что политическое дело, известное под именем Византии, возникло из исторического синтеза варварского мира славян и Римской империи на Востоке. «Культура Византии—это синтез античной цивилизации и славянской самобытной культуры»². Славяне, находясь на той ступени социального развития, которая у Энгельса называется «военной демократией» и связана с распадом рода, нападая на Восточно-Римскую империю, омолодили ее, подобно тому, как германцы омолодили Западно-Римскую империю. Славянская община, пишет А. В. Мишулин, создавала предпосылки для перехода Византии к феодальной системе хозяйства, и в этом исторически прогрессивное значение славянских вторжений. И сами славяне, минуя рабовладельческую ступень развития, переходя к феодализму, вступили в число сложившихся европейских народов. Приведенными в своих работах текстами из ранневизантийских историков А. В. Мишулин показал, что вторжения славян вызывали в ряде мест империи назревшие уже восстания рабов, которые таким образом вместе со славянами приняли участие в крушении рабовладельческого строя Восточно-Римской империи.

К таким же выводам пришел и другой исследователь славяно-византийских отношений—Б. Т. Горянов³. По мнению Б. Т. Горянова, «история походов славян на Византию в V—VI вв. есть начало большого и сложного процесса взаимовлияния славян и Византии. Славяне своим родовым строем, своим варварством омолодили империю, позволили ей просуществовать тысячу лет, явиться посредником между миром античности и эпохой позднесредневекового Возрождения, передать Европе могучее наследие античной культуры. Славяне—предки великого русского народа—передали нашей родине высокую культуру Византийской империи, ее письменность, религию, литературу, юридические нормы». На таких научно-теоретических позициях стоит в своих работах и М. В. Левченко⁴.

Академик Б. Д. Греков в своей книге⁵ со свойственной ему образностью и яркостью описывает столкновение славян с Византийской империей, напоминающее соприкосновение германцев с империей Западно-Римской. Пересматривая вопрос об отношениях между Восточно-Римской империей

¹ «Древние славяне и крушение Восточно-Римской империи» (ВДИ, 1939, № 1); «Древние славяне и крушение Восточно-Римской империи» («Исторический журнал», 1941, № 10—11).

² ВДИ, 1939, № 1, стр. 307.

³ «Славянские поселения VI века и их общественный строй» (ВДИ, 1939, 1); «Славяне и Византия в V—VI вв. нашей эры» («Исторический журнал», 1939, № 10.)

⁴ «Византия и славяне в VI—VII вв.» (ВДИ, 1938, № 4—5).

⁵ «Борьба Руси за создание своего государства», М., 1945.

и варварами с точки зрения византийских писателей VI—VIII вв., Б. Д. Греков разделяет мнение тех советских исследователей (А. В. Мишулин, Б. Т. Горянов, М. В. Левченко), которые уже касались этого вопроса и отметили, что одним из последствий славянского вторжения было крушение рабовладельческого строя.

Подводя итоги столкновения «двух миров», Б. Д. Греков справедливо замечает, что «славяне в этой борьбе принимали самое непосредственное и весьма активное участие. Они вместе с германцами, иберами, народами Средней Азии участвовали в перекраивании политической карты Европы и Азии и на развалинах рабовладельческого мира создали свои новые государства».

Академик Н. С. Державин, отступая от этого признанного в советской историографии мнения относительно значения славянского вторжения для исторических судеб Византийской империи, не объясняет указанные выше исторические факты. Без этого плодотворного вывода не представляется возможным понять такие исторические факты, как происхождение феодальных порядков в Византии, переход самих славян к феодализму, минуя рабовладельческий строй античных государств. Суждения академика Державина логически вытекают из его мнения, будто бы весь Балканский полуостров был заселен славянами еще до миграции их в VI—VII вв., и, следовательно, славяне не разрешали никаких социальных проблем в судьбе Восточно-Римской империи.

Академик Державин не отрицает громадного значения славянской миграции на Балканский полуостров. По его мнению, славянские вторжения «сыграли исключительную роль в исторических судьбах Восточно-Римской империи—оплота деспотизма и церковно-политического обскурантизма»¹. Академик Державин полагает, что основное значение славянских вторжений заключается лишь в том, что «они всякий раз количественно увеличивали его местное славянское население..., что они содействовали этнографической, хозяйственной, экономической, культурной и политической консолидации местной протославянской или славянской племенной общественности и объединенными силами наносили разрушительный удар по восточно-римскому теократическому деспотизму»². Таким образом, славяне ничего не изменили в общественно-экономическом строе Византийской империи. Все отношения между славянами и Восточно-Римской империей определялись лишь военными столкновениями, надо отметить, бесплодными, так как их сокрушительные удары по восточно-римскому теократическому деспотизму все же не сломили его. Таким образом академик Державин снимает вопрос об «омоложении» Византийской империи и не объясняет продолжение на тысячелетие ее существования, что, разумеется, представляет собой шаг назад.

Точка зрения академика Державина на славянскую миграцию и на значение ее для Восточно-Римской империи была встречена отрицательно В. И. Пичета и М. В. Левченко, поскольку она совершенно расходится с свидетельством источников.

Таким образом, академику Державину не удалось поколебать выводы советских исследователей относительно роли славян в исторических судьбах Византийской империи. В противовес концепции акад. Н. С. Державина важное значение в советской историографии имело изучение судеб византийского крестьянства в связи со славянскими передвижениями на Балканы. Так, Е. Э. Липшиц, продолжая традиции В. Г. Васильевского и Ф. И. Успенского, посвятила специальную монографию проблеме «Визан-

¹ «История Болгарии», ч. 1, стр. 95.

² Там же, стр. 42.

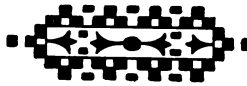
тийское крестьянство и славянская колонизация»¹, в которой показала наличие крестьянской общины и вне Балканского полуострова,—и этим самым подтвердилось мнение всех ее предшественников о позитивной роли славян в крушении рабовладельческого строя.

Таким образом, следует отметить плодотворность работы советских историков, давших новое объяснение славяно-византийским отношениям VI—VII вв. В этом заключается большая историческая заслуга советской марксистско-ленинской научной мысли.

Дальнейшее изучение ранней истории древних славян, их культуры и быта, а также и социально-политических взаимоотношений их с Византией, особенно привлечение к исследованию этого вопроса также и археологического материала, должно будет вскрыть для нас и многие другие стороны славяно-византийских отношений.

Уже имеющийся материал археологии Балканского полуострова дает немало для подтверждения литературной версии Прокопия и других ранневизантийских писателей о переселении славян через Дунай на территорию Балканского полуострова и о значении этого факта в жизни Византии.

В настоящее время открываются новые возможности научной работы, археологических изысканий совместными усилиями ученых славистов, и это, несомненно, даст возможность еще более укрепить достижения советских историков в изучении славяно-византийских взаимоотношений VI—VII вв.

¹ «Византийский сборник», № 8, Л.—М., 1945.